

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 130.2

ДУША РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Казаков Евгений Фёдорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

В статье предпринята попытка определения понятия «душа русской культуры» через соотнесение его с понятиями «русская культура», «русская душа», «русский (национальный) характер», «русская ментальность». Душа русской культуры несёт в себе как общее (свойственное другим культурам), так и особенное (обусловленное своеобразием её геополитического положения и исторического пути). Понятие «русская культура» – более широкое, чем понятие «душа русской культуры», так как, кроме неё, включает в себя ещё и «тело» культуры. Понятие «душа русской культуры» обозначает предельный, исходный, несущий в себе своеобразие русской культуры, уровень мирочувствования и миропонимания. Национальный характер – это посредник между душевными переживаниями и действиями человека; через его посредство душевные переживания актуализируются, обретают действенность, действительность. В отличие от русского (национального) характера, несущего в себе, в большей степени, особенности национальной психики (направленной на включённость в земное), понятие «душа русской культуры» несёт в себе метафизическую составляющую (включающую её в небесное измерение), представляющую её сущностью самого глубокого порядка. В отличие от национального характера, менталитет – гораздо более от-refлексированный способ миропонимания. Русский национальный характер и русская ментальность предстают двумя сторонами психики русского этноса. Понятие «душа русской культуры» – шире по объёму понятия «русский менталитет», так как включает в себя, кроме рационального – нерациональное и сверхрациональное. Более глубинные (в отличие от русского национального характера и русской ментальности) особенности русской культуры фокусируются в понятии «русская душа». Понятие «душа русской культуры» – шире понятия «русская душа», так как включает в себя (кроме этнических особенностей именно русского народа) компоненты и «аполлоновской», и «фаустовской», и «магической» душ.

Ключевые слова: душа, русская душа, душа русской культуры, психика, русский национальный характер, русская ментальность, метафизическое, историческое, фаустовская душа, магическая душа, аполлоновская душа, прасимвол души русской культуры.

THE SOUL OF RUSSIAN CULTURE: TO THE CONCEPT DEFINITION

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

The article attempts to define the concept of “soul of Russian culture” through its correlation with the concepts of “Russian culture”, “Russian soul”, “Russian (national) character”, “Russian mentality”. The soul of Russian culture carries both: general (characteristic of other cultures) and special (due to the uniqueness of its geopolitical position and historical path). The concept of “Russian culture” is broader than the concept of “the soul of Russian culture” since, in addition, it also includes the “body” of culture. The “the soul of

Russian culture” concept means the ultimate, original, bearing the originality of Russian culture, the level of world-sense and worldview. National character, a mediator between emotional experiences and human actions, updates and acquires efficiency, reality through its spiritual experiences. In contrast to the Russian (national) character, which carries, to a greater extent, the features of the national psyche (aimed at inclusion in the Earth), the concept of “the soul of Russian culture” carries a metaphysical component (including it in the heavenly dimension), presenting its essence of the deepest order. In contrast to the national character, mentality is a much more reflexed way of understanding the world. Russian national character and Russian mentality appear as two sides of the psyche of the Russian ethnic group. The concept of “the soul of Russian culture” is wider in terms of the concept of “Russian mentality” as it includes, in addition to rational-irrational and over-rational. The deeper (in contrast to the Russian national character and Russian mentality) features of Russian culture are focused in the concept of “Russian soul”. The concept of “soul of Russian culture” is a broader concept of “Russian soul” as it includes (in addition to the ethnic characteristics of the Russian people) components: “Apollo” “Faust” and “Magic” souls.

Keywords: soul, Russian soul, the soul of Russian culture, mentality, Russian national character, Russian mentality, metaphysical, historical, Faust soul, Magic soul, Apollo soul, presymbol soul of Russian culture.

Для формулирования исходного определения понятия «душа русской культуры» отдифференцируем его от близких понятий: «русская культура», «русская душа», «русский (национальный) характер», «русская ментальность». «Душа» – это «ключевое понятие русской культуры», содержанием которого является «внутренний нематериальный мир человека, совокупность всех его переживаний» [11, с. 9]. В *душевно*м общем фокусируется всё самое существенное, что свойственно единичным душам. Результаты «работы общего духа» объективируются в искусстве, религии, посредством анализа которых он и может быть понят. «В культурном объекте собраны воля и разум, индивидуальность и характер, сила и настроение отдельных душ (а также и их общностей)» [3, с. 534]. Правомерно говорить о существовании души русской культуры, связанной общностью как исторического пути, так и мировосприятия. Русская культура есть выраженная в образе и символе русская душевная жизнь. Внутренней нематериальной стороной русской культуры является её душа, в которой сконцентрировано своеобразие её мирочувствования и миропонимания. Выражением переживаний (религиозных, этических, эстетических) и осмыслений души русской культуры являются образы русского искусства (изобразительного, музыкального) и русской литературы (художественной, философской).

Понятие «русская культура» – более широкое по объёму, чем понятие «душа русской культуры», так как, кроме неё, включает в себя ещё

и «тело» культуры. Душа – это нематериальная часть культуры, «тело» – это материальная часть культуры, представляющая опредмеченным выражением её души, её материализацией, объективацией («отчуждением»). Непосредственная жизнь души (жизнь души в «чистом виде») – это переживания и размышления. «Нетелесной» формой её выражения предстают художественные образы, знаки, метафоры, символы. Художественный образ может быть выражен (материализован) в звуке, цвете, речи, мимике, движениях (это может быть живопись, музыка, танец, ваение, зодчество, поэзия). Ещё более опосредованным (объективированным, «отчужденным») выражением души является материальная жизнь культуры (экономические, политические, социальные процессы).

Итак, понятие «русская культура» включает в себя непосредственно жизнь русской души (совокупность чувств и мыслей, отражающих своеобразие её мировосприятия) и «бестелесно-телесные» формы её выражений (например, в такой «цепочке»: художественный образ – звук – межличностные отношения). Понятие «душа русской культуры» обозначает предельный, исходный, несущий в себе своеобразие русской культуры, уровень мирочувствования и миропонимания. «За» этим уровнем русской культуры – ничего нет. Поэтому душа русской культуры задаёт характер, направленность устремлений всей русской культуре. Можно было бы сказать (*перифразируя Дж. Локка*): в русской культуре нет ничего, что перед этим не было бы в её душе.

Понятие «*русский национальный характер*» обозначает волевою направленность на определённые поступки и действия (выражающие существенные интенции, свойственные русскому народу), закрепляемые в нравах и обычаях и передаваемые последующим поколениям через механизмы национальной памяти [7, с. 39–40]. Национальный характер – это посредник между душевными переживаниями и действиями человека; то есть через посредство национального характера душевные переживания актуализируются, обретают действенность, действительность. Русский национальный характер формировался в процессе адаптации к соответствующим условиям жизни, связанным с суровыми природными условиями, их особой цикличностью (долгая зима, короткое лето), огромностью территории, необходимостью периодической мобилизации для отражения внешней агрессии и т. п.

Черты русского национального характера – это душа, выраженная во вне, эманации души, соотносящиеся с ней как явление и сущность. Характер формируется для преодоления возникающих «вызовов» (А. Тойнби). Основные черты русского национального характера (которому свойственны – широта, стойкость, сострадание, смирение, стремление к справедливости, общинность, способность к подвигу, умение не сдаваться, болезненная самокритика; и несвойственны – высокомерие, заносчивость, лицемерие) есть выражение соответствующих глубинных душевных переживаний. В русский национальный характер также включаются сердечное созерцание, безмерность жизненного порыва, стремление к абсолютным ценностям, «мь» – психология, противоречивость, любовь к свободе, национальная стойкость, всечеловеческая толерантность [9, с. 96–98]. Хотя, например, с точки зрения Н. О. Лосского, ни одна из черт русского характера не является уникальной, «все есть у всех» [6, с. 46–48].

Как видно из определения, национальный характер – это составной элемент психики этноса. Но, если психика включает в себя как осознаваемые, так и неосознаваемые переживания и поступки, то характер – это, в большей степени, неотрефлексированные особенности мироощущения и мироповедения. То есть понятие «характер» – более узкое, чем понятие «психика».

Итак, русский национальный характер (как часть национальной психики) занимает опосредующее место между душевными переживаниями и внешней действительностью, представляя составной (в значительной степени, неотрефлексированной) частью механизма адаптации к ней. В отличие от русского (национального) характера, несущего в себе, в большей степени, особенности национальной психики (направленной на включённость в земное), понятие «душа русской культуры» несёт в себе метафизическую составляющую (включающую её в небесное измерение), предстающей её сущностью самого глубокого порядка. Исчезновение метафизической составляющей превращает душу русской культуры – в русскую психику (составной частью которой и предстаёт русский национальный характер).

Понятие «*русская ментальность (менталитет)*» (от лат. mens – ум, мышление, образ мыслей) обозначает свойственный человеку (принадлежащему к русскому этносу) образ мыслей, характер мировосприятия, миропонимания. Как и характер, менталитет является частью психики (выражая собой свойственное русскому этносу своеобразие мировосприятия, обуславливающее своеобразие его мироотношения). Однако, в отличие от национального характера, менталитет предстаёт гораздо более отрефлексированным (осознанным) способом миропонимания. Исходя из этого, можно сказать, что русский национальный характер и русская ментальность предстают двумя сторонами (преимущественно неотрефлексированной и преимущественно отрефлексированной) психики русского этноса. Понятие «*душа русской культуры*» – шире по объёму понятия «*русский менталитет*», так как включает в себя, кроме рационального – нерациональное (кроме образа мыслей, ещё и образ чувств, мечты, грёзы, веру, иллюзии, религиозные, эстетические и этические переживания) и сверхрациональное (выход в трансцендентное).

Более глубинные (в отличие от русского национального характера и русской ментальности) особенности русской культуры фокусируются в понятии «*русская душа*». Имеет ли душа национальность? А. С. Пушкин на этот вопрос ответил так: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Если психика русского этноса (вклю-

чающая русский характер и русскую ментальность) «ответственна» за отношения с внешним миром, то отсюда следует, что она, в значительной степени, включена в исторически-конкретный пространственно-временной континуум. Изменяются внешние обстоятельства – изменяется психика – как механизм адаптации к ним. Что же касается понятия «русская душа», то оно фиксирует, в большей степени, вневременное, архетипическое начало русской культуры. Это объясняется тем, что в понятии «русская душа» фиксируются глубинные сущностные особенности русской культуры. Внешние планы русской культуры (фиксируемые в понятии «психика русского этноса») больше связаны с историческим, временным, а потому – и более изменчивы. Внутренние планы русской культуры (фиксируемые в понятии «русская душа») больше связаны с вневременным, а потому – и более устойчивы. Глубины «океана» русской культуры – как и глубины любого океана – более неподвижны (почти неподвижны), чем его всегда изменчивая «поверхность».

Геокультурное историческое положение России обусловило то, что её душа предстала «культурным сплавом», в котором произошёл «симфонический синтез» различных культурных парадигм. «Поскреби русского, и ты обнаружишь татарина»... и не только, а ещё и ряд других этнических «персон». Поэтому, в чём заключается «русскость рускости» (И. А. Ильин) и вообще, есть ли она (?) – вопрос непростой и, до сих пор, открытый... В русской душе часто фиксируются особенности, свойственные другим культурам, но они не рефлексированы как свидетельство пребывания в русской душе особенностей душевной жизни других культур.

Результатом историко-культурных процессов, в которые оказалась включённой Россия, предстаёт не только «сплав» различных этнических особенностей, но и *синтез языческого и христианского (в определённой мере, можно говорить о «двух душах» русской культуры – языческой и христианской)*. Языческое в душе русской культуры можно определить через сумму таких характеристик, как природное, политеизм, центробежно-центростремительные силы, «горизонталь-вертикаль», борьба, конфликт («выброс лавы»), хаос, анархия, динамика, из-

менение, «яростный дух», «безрассудная душа» («русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (А. С. Пушкин), мужское, «огонь-огонь»).

Христианское в душе русской культуры можно определить, как сумму следующих характеристик: сверхприродное, монотеизм, центростремительное, вертикаль-ось, умиротворение, смирение, медлительность, порядок, покой, власть, сохранение, разумное начало, женское (народ-Богородица, Церковь-Матушка, Церковь-Невеста), огонь-влага. Под «озёрной гладью» души русской культуры – «спящее жерло вулкана»; когда «вулкан» взрывается – «влага» вскипает. В языческом есть и аполлоническое (телесное) и дионисийское (хаотическое). Языческое вступает в конфликт с метафизической телесностью, упорядоченностью христианской культуры. Противоречия русской души, в той или иной мере – выражение глубинного противоречия в душе русской культуры между языческим и христианским началами. Языческая и христианская душа – подобны двум «монадам», существующим, в значительной степени, автономно друг от друга (есть «тонкий слой» взаимопроникновения (рядом с могильным крестом – печенье, конфеты, вода). Можно говорить о языческо-христианском «дуальном параллелизме» души русской культуры.

Начиная с XVII–XVIII веков происходит «сплав» языческого, христианского и светского. В этом смысле русская душа – эклектична, так как стороны, которые должны были бы исключать друг друга, соседствуют и достаточно мирно уживаются в ней. «Соединение несоединимого» приводит к тому, что языческое, христианское и светское взаимопроникают, иногда «срачиваясь» в одну «ткань» («соединение» языческих и христианских праздников). И, в то же время, они существуют достаточно автономно, настолько, что можно говорить о «триадном параллелизме» языческой, христианской и светской души. Архетипичность русской души хорошо видна в присущих ей особенностях (в «чистом» виде не проявленных в особенностях русского характера и русской ментальности): антропоцентризм, религиозность (богосотворчество), панморализм (смирение, жертвенность), мессианство, устремлённость в будущее, женственность, контрастность (синтез Востока и Запада), стремление к целостности (всеединству), соборность.

Душа русской культуры – более открытая (в этом – одна из главных её отличительных особенностей), чем намного более самодостаточные души других близлежащих культур. Понятие «душа русской культуры» – шире понятия «русская душа», так как включает в себя (кроме этнических особенностей именно русского народа) компоненты и «аполлоновской», и «фаустовской», и «магической» души. Прасимволом последней, по О. Шпенглеру, предстаёт «дорога» [12, с. 112]. Но, какая это – важная историческая реалья и метафора (вспомним, например, «Владимирку» И. Левитана) для русской культуры. «Эта русская дорога – от рождения до Бога» [4, с. 54]. Исторический путь России – дорога, устремлённая в будущее (христианское, коммунистическое, или и, в более общем виде: «в лучшее будущее», «в светлое будущее», «в новый мир», в «царство небесное»).

В душе русской культуры нашла выражение и фаустовская душа, прасимволом которой, по О. Шпенглеру, является «беспредельность» [12, с. 114]. Душа русской культуры – безгранична, бесконечно широка (отсюда, по Н. Бердяеву, аморфна и мало организована) [1, с. 126], у неё «нет границ» (В. В. Путин (2016): «граница России нигде не заканчиваются») [8]. Россия теряется в просторах своих, мира и вселенной. Отсюда, космизм, планетарное мышление, мессианство русской мысли, интеллигентское чувство ответственности-вины за всё происходящее в мире (Ф. М. Достоевский: «воистину всякий пред всеми за всех и за всё виноват»; В. В. Маяковский: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем»; В. С. Высоцкий: «я всею скорбью скорблю мирвою»).

Понятие «душа русской культуры» – шире понятия «русская душа», так как включает в себя, кроме этнических особенностей русского народа, ещё и «всеобщее» (общечеловеческое), присутствующее в душе любой этнической культуры (об этом говорил Н. О. Лосский, утверждая, что ни одна из черт русского характера не является уникальной, «все есть у всех?»). «Общее» и «особенное» в душе русской культуры находятся в динамическом равновесии, их соотношение имеет конкретно-исторический характер. Понятие «душа русской культуры» – уже понятия «душа

русской культуры», так как последняя включает в себя, кроме особенностей русского этноса, этнические особенности всех других народов, живущих в России. Под «сводом» души русской культуры есть «башни» христианской, мусульманской, буддистской и языческой культур; кроме русской души – «башни» «аполлоновской», «фаустовской» и «магической» душ; «башни преисподней» («яростный дух», «призрачная душа», «тёмный дух» («сатанизм»), а также «ментальная башня» светской, атеистической, рассудочной души.

Во II томе «Заката Европы» О. Шпенглер, не так подробно, как о душе восточной или европейской культуры, рассуждает о своеобразии души русской культуры, находящейся ещё в периоде своего становления [13, с. 96–98]. Поэтому он отмечает её потенциальность, и отсюда, неполную выраженность. У О. Шпенглера – внешний взгляд на русскую культуру (глазами «фаустовской души»), что имеет определённые преимущества (позволяя дать сравнительное описание русской души) и определённые недостатки (для него русская культура – чужая). Поэтому, анализируя своеобразие души русской культуры, он даёт ряд спорных характеристик.

Душа русской культуры для О. Шпенглера – таинственна, так как находится ещё в стадии своего рождения, а поэтому не имеет ещё «твёрдого выражения» в своих творениях. Но, тем не менее, ряд важных характеристик её О. Шпенглер всё же формулирует. Так, он отмечает *псевдоморфозу*, произошедшую в её развитии. В Петровское время происходит «трагичная» смена культурного кода России: она насильственно включается в европейскую культуру. Пётр силой вживляет душу русской культуры в душу европейской культуры; этим и можно объяснить, каким образом в первой появляются черты «фаустовской» души. Октябрьскую революцию О. Шпенглер называет «символическим актом очищения» души русской культуры от чуждой западной культуры (что, кстати, сам потом и опровергает, называя идеологию большевиков «порождением западной цивилизации»; добавим, что и методы, используемые большевиками, взяты, в большой степени, из действий Парижской коммуны). «Народ, назначением которого было – в течение поколений

жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для истинной русской сущности был просто-напросто непонятен» [13, с. 98]. О. Шпенглер – человек «фаустовской» культуры, поэтому его взгляд на душу русской культуры не может не быть, в той или иной степени, внешним, чужеродным. Кроме того, в приведённом утверждении О. Шпенглера очевиден европоцентризм: европейская история – «правильная», подлинная, продуктивная, а всё, что в неё не укладывается – «живёт вне истории». Здесь есть «системное» противоречие: с одной стороны, О. Шпенглер – сторонник мультиисторического взгляда, с другой стороны, среди множества этнических историй он выделяет особо европейскую линию как центральную для мировой истории. Отметим также, что в «жизни вне истории» заключено вполне объяснимое историческое «юрродство», «инаковость» России, связанная с её культурно-географическим местопребыванием между Восточной и Западной культурой. «Инаковость» души русской культуры – в уникальном синтезе её собственной исторической самобытности с особенностями Востока и Запада.

В душе русской культуры образуется своеобразная композиция, в которой сочетаются русская, фаустовская и магическая души. О. Шпенглер отмечает наличие «избирательного средства между русской и магической душой» [13, с. 97]. Олицетворением «фаустовской» души в душе русской культуры, по О. Шпенглеру, предстаёт Л. Н. Толстой. Главный герой его романа «Воскресение» Нехлюдов «ухаживает за нравственным Я, как за своими ногтями» [13, с. 98]. Олицетворением «магической» души в душе русской культуры является Ф. М. Достоевский. Главный герой его романа «Преступление и наказание» Раскольников «есть лишь частичка в Мы. Его вина – это вина всех. Читать даже его грех чем-то собственным есть уже высокомерие и тщеславие. Что-то от этого настроения лежит в основе магической картины души» [13, с. 98].

Душа русской культуры формируется позже фаустовской и магической, поэтому её становление происходило не в «чистом» виде, а через непрерывное взаимодействие с соседними культурами, отдифференциацию от них. Про-

цесс самоидентификации души русской культуры необходимым образом осуществлялся через сравнение-отличение от фаустовской и магической души. Русскость рождается не через самоопределение, а через отрицание-вбирание черт западной и восточной культур. Отсюда, выраженная конфронтационность русской души, она ищет себя, защищая себя, те первые ростки русскости, которые начинают проклёвываться. Русскость «выкарабкивается» не сама из себя лишь, а одновременно из аполлонической, фаустовской и магической душ.

В душе русской культуры, начиная с Петра I, по О. Шпенглеру, происходит борьба фаустовского начала (олицетворяемого Л. Н. Толстым) и магического (олицетворяемого Ф. М. Достоевским). Именно в актуализации магического начала О. Шпенглер видит актуализацию «подлинной русскости» (что, по его мнению, и будет нарастать в будущем). Именно этим противостоянием становящейся русскости фаустовскому началу он и объясняет «апокалиптическую ненависть» ко всему европейскому, западному.

Итак, душа русской культура – гетерогенная, в ней «сплавлены» черты фаустовской, магической и собственно русской (?) души. Это и объясняет, наряду с другими причинами, «плюсность», контрастность души русской культуры, её внутреннюю противоречивость (например, по О. Шпенглеру, между «религиозно-метафизическим началом и отчаявшимся нигилизмом»), доходящую до «кричащей» разнородности, следствием чего и предстают метания, непоследовательность, нелогичность, непредсказуемость. Отсюда, и чувство вечного становления, беспрестанной неудовлетворённости настоящим, нескончаемого поиска своей идентичности. Душу русской культуры не оставляет чувство самоотчуждения, отрыва существования от сущности, проживания не своей жизни. Как это созвучно с драматизмом переживаний, знакомых каждому человеку (это – общечеловеческое в душе русской культуры). В конечном счёте, всё это и привело к столкновению в душе русской культуры тектонических напряжённостей, изменивших на рубеже XIX–XX веков **лицо мира**. Душа русской культуры стремится обрести единую сущность, но, возможно, сущность её не монолитна, а разнопорядкова.

Заглядывая в будущее, О. Шпенглер предполагает, что душа русской культуры, «подлинная русскость» будет эволюционизировать в сторону выявления черт магической души. Будущая русская культура, развивающаяся в линии Достоевского, реализует потенции Иоаннова христианства, христианства Слова – как вместилища божественных смыслов, открывающихся только коллективной, соборной душе. Душа русской культуры существенно отличается от «фаустовской» души. «Русская, безвольная душа анонимно тщится затеряться в горизонтальном братском мире. Помышлять о ближнем, отталкиваясь от себя, нравственно возвышать себя любовью к ближнему, каяться ради себя – все это выглядит антиподом западного тщеславия и кощунства, как и мощное взывание неба наших соборов в противоположность установленной куполом кровельной равнине русских церквей» [12, с. 389]. «Холмообразная церковная крыша почти не выделяется на фоне ландшафта», русская душа «нравственно возвышает себя любовью к ближнему», не превозносит себя, не стремится к доминированию [12, с. 368, 489]. «Горизонтальные» устремления души русской культуры – очевидны, о них свидетельствует масштаб «окормляемого» ею «тела» (территории). Отсюда, душевное пространство русской культуры – уникально по размерам, время от времени (метафизически и физически) «переливаясь» за свои географические «края».

Отсутствие какой-либо вертикальной тенденции в русском жизненчувствовании проявляется, по О. Шпенглеру, и в былинном образе Ильи Муромца. «Русский начисто лишен отношения к Богу-Отцу. Его этос выражен не в сыновней, а исключительно братской любви, всесторонне излучающейся в человеческой плоскости. Даже Христос ощущается как брат. Фаустовское, совершенно вертикальное стремление к личному совершенствованию представляется подлинному русскому тщеславным и непонятым» [13, с. 98]. Но, если бы Илья Муромец был лишён «вертикального» устремления, его бы не отнесли к лику святых. Что же касается отсутствия «отношения к Богу-Отцу» и наличия только «горизонтального» отношения к Христу, как к «брату», то и здесь О. Шпенглер недостаточно точен. Божественная

«вертикаль» души русской культуры больше выражается не через устремление к Богу-Отцу или Богу-Сыну, а через сыновнее тяготение к образу Богоматери. И к Богородице действительно относятся как к Матушке Небесной, а не как к Сестре. Именно через образ Богоматери душа русской культуры и устремлена к Богу-Отцу и Богу-Сыну. Большинство православных молитв и большинство икон обращены именно к образу Богородицы. Именно Она предстаёт в молитвах и иконописных ликах как «Заступница», «Предстательница» и «Молельница» за весь род человеческий.

Есть основания и поспорить с утверждением О. Шпенглера о стремлении души русской культуры «затеряться в горизонтальном мире», раствориться в «бескрайней равнине». Соборная душа русской культуры стремится выстроить над этой равниной собирающий её в единое целое Купол-Колокол-Щит, остановить, организовать эту разбегающуюся во все стороны бескрайность Вертикулю-Осью-Стержнем Креста или рубиновой Звезды (христианская, коммунистическая идея), Золотой Луковки храма, шпилем Спасской Башни, или Двуглавым (двуединым!) Орлом. «Русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способна из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего неисходное, снимающего противоречия» [2, с. 131]. «Сверху» единый Собор человечества собирает всеединый Бог, «снизу» – церковь, религия, святые, пророки. Собор человечества возводится и «сверху» и «снизу». Резюмируем сказанное: душа русской культуры предстаёт динамичным единством центробежных и центростремительных сил (в разные исторические периоды то та, то другая сторона берёт верх, но обе они сосуществуют на протяжении всего её исторического пути).

Вместо понятия «анонимность» точнее было бы использовать понятие «соборность» («общинность», «мы-созерцание»). Эти понятия находятся в причинно-следственной связи: соборность (доминанта коллективного, общинного) – причина, анонимность – следствие. Именно об анонимности говорит Н. Ф. Фёдоров: необходимо «раствориться в анонимной массе народа» (отсюда, неприятие любой формы собственности (в том

числе, и интеллектуальной), разделяющей людей, противопоставляющей их друг другу, делающей их неравными, сеющей ненависть и вражду) [10, с. 123–124]. Стремление к «анонимности», как и соборность, причинно обусловлены христианской системой ценностей, в частности, идеалом смирения, подавления своеволия (стремлением поставить волю Бога выше своей воли). Нет моего «я есть» («моё есть»), есть лишь божественное «аз есмь» («боговое есмь»). Однако и с анонимностью всё не так однозначно: святые подошли к Богу ближе всего; но если они и потеряли лица, то обрели лики, в которых их индивидуальность вовсе не исчезла, а обрела подлинность.

Прасимволом души русской культуры, по О. Шпенглеру, является бесконечная равнина (поле, степь), выраженная в «мягких», округлых, «луковичных» куполах церквей; отсюда, необъятность, безграничность, кротость русской души. В этом прасимволе доминирует, по О. Шпенглеру, «горизонтальное» устремление, «плоскостное» мировосприятие. Пока этот прасимвол, считает О. Шпенглер, не находит «твёрдого выражения» в творениях русской души, в силу её продолжающегося становления [13, с. 634]. По мнению О. Шпенглера, для русского человека характерно стремление не ввысь, а за горизонт, и всё человечество русский рассматривает как равнину, некое братство в духе Евангелия или философии Достоевского. В этом определении прасимвола есть сходство с определением фаустовской души как устремлённой в беспредельность (имеющей, по его мнению, не «горизонтальное», а «вертикальное» устремление). Однако «вертикальное» устремление, если использовать логику О. Шпенглера, есть и у души русской культуры, так как, в отличие от античных храмов (в которых горизонталь, безусловно, доминирует), в русских православных храмах она осенена куполом – «луковкой» (пусть и без вертикальной экспрессии готических храмов). Если храм Христа Спасителя достаточно приземлён, то, например, знаменитая церковь Покрова на Нерли заключает в себе очевидную вертикальную доминанту.

Душа русской культуры стремится в беспредельность не для того, чтобы кануть за горизонтом, а, чтобы, оттолкнувшись от него, собрать, стянуть пространство Града Земного в Град Бо-

жий. Центробежность – не самоцель, а средство для Новой Центростремительности, для нахождения «мировых духовных скреп». Россия – странасобиратель – собиратель земель, народов, религий – во вселенский собор. России стремится не разбежаться «во все стороны», не раствориться в беспредельности, а собрать (в троеперстие), свети, организовать её вокруг креста, звезды или двуглавого орла. «Строеперстничать» – срастить Восток, Запад и Юг в одну песнь-молитву. Архетипический идеал для души русской культуры – Богоматерь («Праздник Покрова»), под своим покровом собирающая всё человечество; Невеста Христова Матушка-Церковь, под своей Ферулой спасающая всё человечество; Град Божий, защитивший своим покровом Град Земной.

Центробежные устремления (связанные с бесконечностью «горизонталей») души русской культуры находятся в единстве с центростремительными устремлениями (связанными с «вертикальными» порывами, находящими выражение в представлении царя «ставленником Бога на земле», в культе Богородицы). Если в фаустовской душе экспрессивность готической «вертикали» нарушает соразмерность небесного и земного в пользу первого; то в душе русской культуры осуществляется попытка отыскать божественное равновесие, гармонию Града Божьего и Града Земного. «Спасти можно только всем вместе со всеми» (Н. Ф. Фёдоров), попасть в царство Небесное можно лишь со всем человечеством, оказаться на небе можно лишь вместе с землёй. Точнее было бы определить душу русской культуры не как «бесконечно-равнинную», а как «золотокупольную», стремящуюся небесным покровом-«луковкой» осенить-сберечь-спасти всё человечество, всю землю. В душе русской культуры очевидна «вертикальная ось», «цементирующая»-организующая-преобразующая земную «горизонталь», превращающая её во вращающуюся вокруг себя, поднимающуюся в небо, спасающуюся человеческую вселенную [5, с. 46–47]. *Сущность души русской культуры – многопорядкова*, за одним уровнем всегда таится другой. С этим, вероятно, и связано сложившееся представление о «тайне», «загадке» русской души. В каждый момент времени есть что-то недовыраженное, а значит, и недосказанное о ней. Метафорой, вы-

ражающей эти всегда неоткрывшиеся до конца глубины души русской культуры, является скрытый под толщей воды таинственный Китеж-град («поддонный Кремль», по И. А. Ильину), лишь иногда обнаруживающий себя звонящими из-под волн колоколами.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. – М.: Эксмо, 2008. – 640 с.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука. – 1978. – Т. 26. – С. 56–197.
3. Зиммель Г. К вопросу о философии // Зиммель Г. Соч.: в 2 т. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. Философия культуры. – С. 532–537.
4. Ибрагимов А. Буквы одуванчика. – Кемерово. – 1995. – 96 с.
5. Казаков Е. Ф. К проблеме культурно-исторического параллелизма // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 40. – С. 45–53.
6. Лосский Н. О. Характер русского народа. – М.: Дарь, 2005. – 336 с.
7. Миненко А. Г. Проблема генезиса и этапов развития русского национального характера // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 39–51.
8. Российская газета [Электронный ресурс]. – URL: rg.ru/2016/11/24/putin-granica-rossii-nigde-ne-zakanchivaetsia.html (дата обращения: 22.10.2018).
9. Трофимов В. К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета. – Ижевск: Ижевская ГСХА, 2010. – 408 с.
10. Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела. – М.: ЕЕ Медия, 2006. – Т. 1. – 755 с.
11. Ширяева О. С. Душа как ключевое слово русской культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Волгоград. – 2012. – 28 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Эксмо, 2006. – 806 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Попурри, 2009. – Т. 2. – 704 с.

References

1. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii [Fate of Russia]*. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 640 p. (In Russ.).
2. Dostoyevskiy F.M. *Poln. sobr. soch. V 30 tomakh. Tom 26 Dnevnik pisatelya [Full collected compositions in 30 vols. Vol. 26. Writer's diary]*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 56-197. (In Russ.).
3. Zimmel' G. *Soch. V 2 tomakh. Tom 1. Filosofiya kul'tury. K voprosu o filosofii [Collected compositions in 2 volumes. Vol. 1. Philosophy of culture. On the question of philosophy]*. Moscow, Yurist Publ., 1996, pp. 532-537. (In Russ.).
4. Ibragimov A. *Bukvy oduvanchika [The letters of the dandelion]*. Kemerovo, 1995. 96 p. (In Russ.).
5. Kazakov E.F. K probleme kul'turno-istoricheskogo paralelizma [On the problem of cultural and historical parallelism]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universita kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2017, no. 40, pp. 45-53. (In Russ.).
6. Losskiy N.O. *Kharakter russkogo naroda [The character of the Russian people]*. Moscow, Dar' Publ., 2005. 336 p. (In Russ.).
7. Minenko A.G. Problema genезisa i etapov razvitiya russkogo natsional'nogo kharaktera [The problem of Genesis and stages of development of Russian national character]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universita kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 20, pp. 39-51. (In Russ.).
8. *Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper]*. (In Russ.). Available at: rg.ru/2016/11/24/putin-granica-rossii-nigde-ne-zakanchivaetsia.html (accessed 22.10.2018).
9. Trofimov V.K. *Dusha Rossii: istoki, sushchnost' i sotsiokul'turnoe znachenie russkogo mentaliteta [The soul of Russia: the origins, essence and socio-cultural significance of the Russian mentality]*. Izhevsk, Izhevskaya GSKHA Publ., 2010. 408 p. (In Russ.).
10. Fedorov N.F. *Filosofiya obshchego dela [Philosophy of the common cause]*. Moscow, EE Mediya Publ., 2006, vol. 1. 755 p. (In Russ.).
11. Shiryayeva O.S. *Dusha kak klyuchevoe slovo russkoy kul'tury: avtoref. dis. kand. filos. nauk [Soul as the key word of Russian culture. Author's abstract of diss. PhD in philosophy]*. Volgograd, 2012. 28 p. (In Russ.).
12. Shpengler O. *Zakat Evropy [The Decline of Europe]*. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 806 p. (In Russ.).
13. Shpengler O. *Zakat Evropy [The Decline of Europe]*. Moscow, Popurri Publ., 2009, vol. 2. 704 p. (In Russ.).